WILSON
ANNEX
PG3467
.M3267
A6
1912
c.1

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00017053180

A Matie.

126-8

АМЕРИКА.

1912

Рисунки внѣ текста къ „Айседорѣ“ скульптора Э. А. Бурделя (Emile Antoine Bourdelle), Парижъ.

Фронтисписы и концовки художника А. Лота (André Lhote), Парижъ.

Заголовки и обложка художника И. С. Ефимова, Москва.

Wilson Annex
PG3467
.M3267
A6
1912

A Matic.

ЛИРИКА.

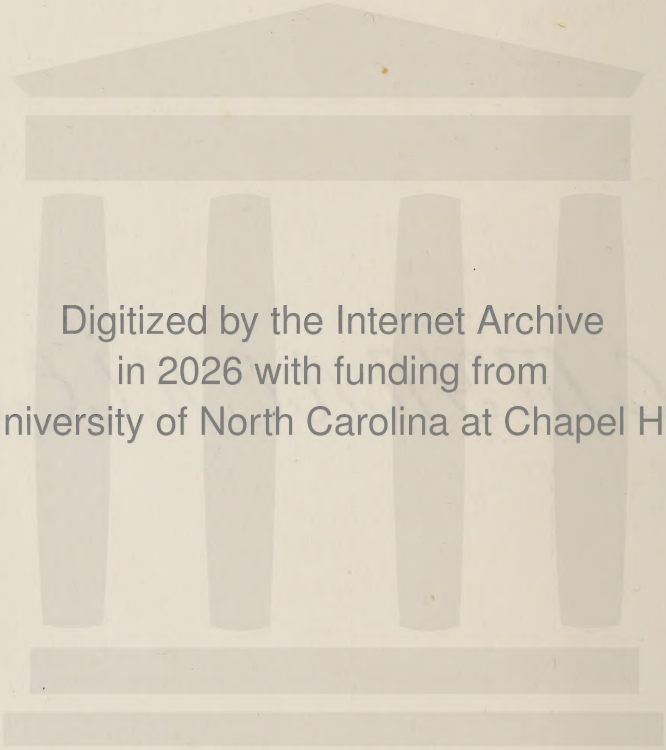
LIRIKA

1912

THE LIBRARY
THE UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

Кооперативная Типографія „СОЮЗЪ“
50, Bd Arago, Paris.

ВСТУПЛЕНІЕ



Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/lirika00mari

Снова, какъ складки покрова, свивается,
Легкимъ дымкомъ въ небесахъ расплывается,
Тяжкій и душный,
Злобный и черный,
Душу мою обнимающій чадъ.
Если тѣмъ чадомъ душа одѣвается, —
Словно налетомъ въ ней все покрывается,
Жизнь станетъ скучной,
Радость позорной,
Сердца ключи не журчатъ, замолчатъ.

Снова въ душѣ зазвенѣли созвучія
Нѣжно пѣвучія
— Флейты и скрипки
Не умолкаютъ, —
Снова поетъ и трепещетъ душа;
Дѣти восторга и легкаго случая,
Снова слова многоцвѣтныя, жгучія,
— Сердца улыбки —
Ярко сверкаютъ,
Льются, и бьются, и рвутся спѣша!

У деревьевъ весною кору надрѣжь,
У клена, у бѣлой березы, —
Сладкій токъ потечетъ, упоительно свѣжъ,
Какъ внезапныя свѣтлыя слезы.

Сердце, сердце поэта любовью рань, —
Отъ весенней, томной болѣзни,
Съ тяжкой болью, — душа, трепетать
перестань! —
Источатся свѣтлыя пѣсни.

1911.

Звенитъ, звенитъ моя душа,
Какъ ломкій ледъ весной,
Когда туманной мглой дыша,
Мы слышимъ, какъ бѣгутъ спѣша
Осколки брони ледяной,
Разбитые весной!

Звенитъ звенитъ, поетъ поетъ,
Какъ горные ключи,
Когда, размывъ снѣга и ледъ,
Текутъ, бѣгутъ, поютъ съ высотъ
И пьютъ алмазные лучи,
Лучи — весны ключи!

Вся напряженная звенитъ,
Какъ свѣтлый звонъ сквозь сонъ,
Но недалекъ ея зенитъ
И солнце не на вѣкъ пьянитъ, —
Тамъ гдѣ пѣвучей бездны стонъ,
Тамъ, въ темныхъ водахъ — сонъ.

1911.

У ВЕНЕРЫ МИЛОССКОЙ.

Плюшъ диванов, говоръ иностранный,
Холодъ стѣнъ и мутный день въ окно.
Греческой богинѣ осіянной
Вѣрно, неуютно и темно.

Голову откинувъ на потертый
Бархатъ, Гейне, старый и больной,
Здѣсь сидѣлъ и плакалъ распростертый
Предъ твоею ясной бѣлизной.

О грѣхахъ онъ плакалъ предъ тобою,
И о томъ, что старъ онъ и безъ силъ,
Что не всталъ межъ нимъ и межъ судьбою
Образъ твой, его не защитилъ.

И другой пришелецъ издалёка,
Изъ страны чья участь тяжела,
Здѣсь свѣтло молился, но отъ рока
Красота безумца не спасла.

Иль она не Правда и не Разумъ!
Почему жъ такъ страшно часто тѣхъ,
Кто служилъ ей творческимъ экстазомъ,
Сторожатъ безуміе и грѣхъ?

Такъ я думалъ — проходили люди...
Англичане, гиды безъ числа.
Позабывшихъ о великомъ чудѣ
Красота безумцевъ не спасла!

О, желтенькая птичка канарейка,
Комочекъ солнца желто-золотой,
Весной, въ мѣщанской комнаткѣ простой,
Ты пѣснь поешь о томъ, что почки клейки,

О томъ, что счастье — жизнь и міръ хорошъ,
Чеканишь золото и нижешь зерна
На нитку золотую бусъ упорно
И съ звонкимъ звономъ нитку оборвешь.

О, бѣдная, засохшая герань,
Ты украшаешь пыльный подоконникъ,
Ты, можетъ быть, любви и счастья дань, —
Возлюбленной принесъ тебя поклонникъ.

Цвѣти, расти для радости людей
И говори мѣщанкѣ въ бѣдной тальмѣ
О призрачномъ безумьи орхидей,
Магноліяхъ и африканской пальмѣ.

Прекрасенъ міръ, но жизнь бѣдна, а пѣснь,
Пѣснь лишь мечта, рожденная любовью,
Страданьемъ и стремленьемъ, какъ болѣзнь
Родитъ мечту о счастьѣ и здоровьѣ.

И, можетъ быть, искусство, какъ герань,
И пѣсня, какъ та желтенькая птичка,
Несутъ немного счастья, грезѣ дань,
Въ жизнь, гдѣ унынье, скудость и привычка.

1911.

ВДОХНОВЕНЬЕ.

Сладостью пряной полно,
Сердце задержанно бьется, —
Словно темно-густое вино
Въ грудь мнѣ безудержно льется
Изъ прозрачныхъ и нѣжныхъ рукъ
Струею серебряно-звонкой...
Или слышу я скрипокъ звукъ,
Ясный-ясный, тонкій-тонкій?
Не сознаю ничего,
Только на сердцѣ пряная сладость.
Неужели узрѣть божество
Предстоитъ мнѣ испугъ и радость!

„Солнце — сердце“.

Вячеславъ Ивановъ.

Золотую кудель еще ткутъ веретенца,
Золотыя струны натяну на лиру,
Еще не порвалась нить отъ сердца къ солнцу,
Золотыя струны отъ сердца къ міру.

Онѣ расплавляются, когда на зенитѣ
Солнцѣ въ яростномъ зноѣ вопитъ: „Осанна“.
Но въ хрупкія утра такъ явственны нити
И звенятъ серебряно, какъ largo органа.

О, дай мнѣ, Боже, силъ и времени,
Быть можетъ, духомъ я богатъ,
Быть можетъ, горсть златого сѣмени
Въ моей душѣ живетъ, какъ кладъ.

Взойдетъ, — и сотворю прекрасное,
Увижу сонъ свой на яву,
И вотъ, въ сей жизни, не напрасно я
Пройду, промучусь, проживу.

БЛАЖЕННЫХЪ

СНОВЪ ИСПУГЪ.

Блаженныхъ
сновъ испугъ.

Пришла ко мнѣ, мой свѣтлый другъ,
Пришла съ тоской, пришла съ любовью,
О сердца боль, о сердца стукъ,
О холодъ этихъ тонкихъ рукъ
На сердцѣ съ темной, съ острой кровью.
Нежданная, пришла ты вдругъ
Такъ, какъ блаженныхъ сновъ испугъ —
Вдругъ приникаетъ къ изголовью!

1911.

Въ моей душѣ живетъ великое,
Въ ней ожиданья строгій свѣтъ.
Въ отчаяньи надежду кликая,
Я долго зналъ и боль и бредъ,
И вотъ, въ сіяньи, огнеликая,
Приходитъ Радость — Боли нѣтъ.

Тебѣ, душа со мной сплетенная,
Ко мнѣ склоненная душа,
Я отдаю слова влюбленныя
И съ робкой дрожью и спѣша,
Всей прелестью неполнозвонною,
Всей тихой прелестью дыша.

Ты озеро мое глубокое,
Ты тайнопѣвная моя,
Чужая, близкая, далекая,
Я наклонюсь, шурша осокою,
Прильну къ чуть видному истоку я
Волнъ неумолчныхъ бытія.

О, это гордое одушевленіе!
Въ немъ порыванія горнаго вѣтра,
И жесты быстрые, и глазъ горѣніе,
И рѣчь свободная, вся въ смѣнахъ метра.

Молю, вплети меня въ твои круженія,
Я жду, — мнѣ все равно, навѣкъ, на мигъ ли!
Ты мѣра міра мнѣ, пока движенія,
Пока смятенія твои не стихли.

О СЧАСТЬѢ.

Когда говорю я о томъ, что незримо, —
Качаете вы головами.
А мной только свѣтлая сказка любима,
Душой я не съ вами, не съ вами!

И горе и радость судьба вамъ приноситъ,
Ей ваши моленья и вздохи,
И страстно ждетъ каждый, что жизнь
ему броситъ
Изъ полныхъ сокровищницъ — крохи.

А сердце мое трепетало и билось
Отъ счастья, что въ жизни не сбылось,
И, можетъ быть, было, но послѣ забылось,
А можетъ быть, только приснилось.

Нѣжнѣй его рѣчь и глаза его больше, —
Глаза его странно огромны,
И свѣтъ ихъ струится и глубже и дольше
И свѣтъ этотъ свой, незаемный.

Рѣсницы сіяютъ дрожаще несмѣло
Лучей золотистою пылью,
Легка его поступь, и бѣлы, такъ бѣлы,
Какъ снѣгъ на горахъ, его крылья.

Легка его поступь и тонкія руки
Такъ нѣжны, такъ нѣжны, такъ нѣжны!
Прильни къ нимъ въ великой и пламенной
мукѣ,
Прильни къ нимъ съ тоскою безбрежной,

Чтобъ съ лаской оно надъ тобой
наклонилось,
Чтобъ сердце ровнѣе забилось
Отъ счастья, которое въ жизни не сбылось,
Которое только приснилось!

1906.

СОНЪ.

Я засыпалъ. Рѣка катилась
И мой влекла челнокъ;
Былъ сонъ мой тихъ, и странно сладокъ
И странно не глубокъ.
Я слышалъ весла за кормою,
Прозрачныхъ пленокъ плескъ,
Я видѣлъ небо, небо, небо —
Его хрустальный блескъ.

И были грезы — тучки въ небѣ
И небомъ былъ имъ — я,
И солнце нѣжно освѣщало
Узорные края,
Сливались зыбкія мечтанья
Въ прозрачно-легкій рядъ
И то темнѣлъ, то золотился
Пушистый ихъ нарядъ.

Когда жъ весло мое цѣплялось
О заросль водныхъ травъ,
И застревалъ челнокъ мой легкій,
Въ сѣть цѣпкую попавъ, —
Я просыпался и въ истомѣ
Лежалъ, закрывъ глаза,

И слушалъ, какъ межъ водныхъ стеблей
Звенѣла стрекоза.

И открывалъ глаза, и взоромъ
Тонулъ въ лазури я,
Пока меня не ослѣпляла
Блестящая струя,
И бодро я приподымался,
И взмахами весла
Вновь направлялъ челнокъ свой въ заводь,
Что глухо заросла.

И тамъ, вблизи корней корявыхъ
Подъ зеленью густой,
Межь бѣлыхъ, бѣлыхъ водныхъ лилій
Съ ихъ влажной красотой,
Тамъ, гдѣ деревья съ нѣжной грустью
Глядѣлися въ затонъ,
Я отдавался созерцанью
И вспоминалъ свой сонъ...

1905.

МАРТЪ.

Хорошо сегодня,
Плещетъ дождь весенній,
Теплый дождь.
Хорошо сегодня,
Благодать Господня
Близъ родныхъ селеній,
Среди голыхъ рощъ,
Между сосенъ тонкихъ,
Межъ сквозныхъ березъ
Пѣнье капель звонкихъ
До слезъ.

Хорошо сегодня, —
Теплый мартъ!
Хорошо сегодня, —
Томный мартъ!

Я брожу сегодня
Наугадъ,
Я чему-то странно
Тихо радъ.

Нѣжно улыбаюсь,
Про себя шепчу,
Дождикомъ весеннимъ
Душу омочу,
Дождикомъ весеннимъ
Сердце окроплю,
Радость полюблю,
Счастья захочу...

ВЪ ДОРОГѢ.

Развѣ не счастье ѣздить по пыльнымъ дорогамъ,
Ѣздить по пыльнымъ дорогамъ въ безвѣстную даль,
Чувствовать связь свою съ радостнымъ, ласковымъ Богомъ,
Съ Богомъ, забывшимъ, что въ мірѣ есть боль и печаль,
Развѣ не счастье!

Развѣ не радость рвать на поляхъ маргаритки,
Рвать на поляхъ маргаритки, сплетать ихъ въ вѣнокъ,
Бросить ихъ встрѣчной крестьянкѣ, или вотъ у калитки
Дѣвушкѣ въ бѣломъ, мелькнувшей какъ свѣтлый намекъ,
Развѣ не радость!

Развѣ не счастье быть беззаботнымъ, какъ сеттеръ,
Черный мой сеттеръ, бѣгущій радостно рядомъ со мной,
Щурить отъ солнца глаза, и чувствовать только, какъ вѣтеръ
Гладитъ мнѣ щеки и волосы теплою, женской рукой,
Развѣ не счастье!

1906.

...Я чувствую утромъ еще полусонный
Въ глазахъ влагу теплую слезъ:
Я плакалъ сегодня во снѣ, утомленный,
И нѣжный встаю я, еще упоенный
Воздушною радостью грезъ.

И ночи, какъ дни мои, свѣтлы и ясны
И тихи мои вечера,
И я засыпаю съ надеждою страстной,
Что день будетъ завтра такой же
прекрасный,
Быть можетъ, свѣтлѣй, чѣмъ вчера.

Я знаю со мною великое сбылось.
Не зная еще почему, —
Не даромъ же сердце безудержно билось,
Не даромъ же сердце безумно молилось
И чувствовалъ свѣтъ я сквозь тьму.

Но жду я пришествія свѣта иного,
Какого не знаю я самъ, —
Но слишкомъ онъ ярокъ для зрѣнья земного...
Я жду — вотъ, мгновенье, и скажется слово,
И я подымусь къ небесамъ!

1905.

Знойный день догоралъ, догоралъ...
Въ небѣ вѣяли алыя краски,
Въ небѣ рѣяли страшныя маски,
Въ изступленно торжественной пляскѣ
Кто-то душу мою обвивалъ,
Кто-то душу мою цѣловалъ
И манилъ къ незнакомой развязкѣ.

Онъ манилъ, онъ манилъ, онъ манилъ.
Я ходилъ самъ не свой, изступленный,
Въ небѣ алыя краски гасилъ
Кто-то въ вспышкѣ слабѣющихъ силъ,
Я по улицѣ странно червленой
Шелъ безумный, безвольный, влюбленный,
И въ душѣ, какъ сосудъ золоченный,
Драгоцѣнное бремя носилъ.

Былъ горячъ подъ ногами асфальтъ,
Тучей рѣяли знойныя мухи,
Пѣсни пѣли вечерніе духи
И звучалъ ихъ томительный альтъ
Въ напряженно-страдающемъ слухѣ.
Были губы мучительно сухи,
Словно выжженный солнцемъ базальтъ.

Драгоцѣнное бремя любви
Токъ пурпурный безумья и смерти!..

Другъ мой,
Повѣрить ли страннымъ словамъ
О Вѣчномъ Возвращеніи?

Такъ же ли будемъ снова сидѣть мы
Въ лунномъ свѣтѣ,
Такъ же ли будутъ сіять мнѣ
Твои влажные глаза
И душа моя трепетать
Отъ сладкой боли?

Или и эти мгновенія,
Едва коснулись ихъ наши губы,
Уже невозвратны,
И мы позабудемъ о нихъ,
И наша слабая память
Изнеможетъ въ неравной борьбѣ?

Люди вѣрятъ въ Бога
Всеблагого, Всемогущаго...
Имъ нужна вѣра
Въ вѣчное добро
И въ безсмертіе души —
Я боюсь только забвенія.

Я хочу вѣрить въ Бога,
Великую Память природы,
И что эта Вселенская Память
Сохранитъ на вѣки вѣковъ,
Когда не будетъ насъ,
Когда ничто не напомнитъ о насъ
Живымъ людямъ,
И послѣ, когда вся жизнь замретъ
на землѣ,
Сохранитъ воспоминаніе
О насъ ушедшихъ,
И о нашей любви,
И объ этомъ ликующемъ часѣ,
Обо всемъ, о чемъ мы сами забудемъ
Въ вихрѣ мятущейся жизни.

РАДОСТЬ.

Въ первый разъ я взглянулъ на тебя,
Я взглянулъ на тебя съ изумленною радостью,
И глаза твои засіяли
Навстрѣчу засіявшимъ глазамъ моимъ.
„Такъ вотъ ты какая —
Такая милая,
Простая, чудесная,
Вотъ ты какая!“

Скудно свѣтитъ мнѣ солнце,
Хмуро мое небо,
Сѣры дни.
О, какъ протянуты руки мои
Съ мольбой и надеждой,
Какъ жаждетъ душа
Свѣтлаго чуда.
И глаза мои
Отъ жутко-напряженнаго ожиданія
Горятъ и свѣтятся
Какъ свѣчи, двѣ свѣчи
Предъ кіотомъ владычицы
Божіей Матери
Нечаянныя Радости.

Я хочу любоваться тобою безъ словъ,
Я хочу любить тебя въ молчаніи.
Въ душѣ у меня дрожатъ слезы и смѣхъ,
Когда я слышу каждое твое слово.
Я люблю всѣ слова твои,
Я люблю ихъ,
И когда отъ нихъ еще чуть вздрагиваетъ
тонкая шейка,
И когда они только сіяютъ въ глазахъ твоихъ
Веселыми искрами
И дрожатъ на устахъ
Еще не сказанныя,
А когда они срываются съ милыхъ устъ твоихъ
И наполняютъ серебрянымъ шумомъ бѣлыхъ
порхающихъ бабочекъ
Всю комнату,
Я смѣюсь и плачу въ душѣ,
Не вникая въ ихъ смыслъ,
Не понимая ихъ.
А ты —
Ты почти не слушаешь меня,

О, какъ я бѣденъ!
У меня нѣтъ рѣчи въ тяжелыхъ, богатыхъ одеждахъ образовъ,
Въ самоцвѣтныхъ камняхъ сравненій,
Нѣтъ алмазовъ шутки,
Нѣтъ кружевъ мечты,
Нѣтъ томныхъ жемчуговъ нѣжности,
Ничего нѣтъ.
Но если бы даже я говорилъ, какъ Ромео,
Развѣ ты полюбила бы меня!

Я возьму твои руки
И загляну въ глаза твои,
И скажу тебѣ:
Я люблю тебя,
Всю, всю тебя,
Твое тѣло и твою душу,
И нѣжный смѣхъ, и тонкія руки,
И сіяніе глазъ,
И не знаю, что я люблю больше,
Всю твою высокую свѣтлую душу,
Безсмертно прекрасную,
Или это родимое пятнышко
На твоей рукѣ!

Я люблю тебя, слышишь
Эти простыя слова.
Почему же ты поблѣднѣла
И не дышишь?
Или я причинилъ тебѣ боль,
Зачѣмъ ты прижала руки къ сердцу?
Или словомъ можно ранить безжалостно,
Какъ острымъ ножомъ?

Ночь,
Свѣча горитъ тревожно,
Мнѣ душно,
Мнѣ горько,
Я задохнусь, захлебнусь отъ боли и горечи.
Прочь, прочь мой проклятый кошмаръ,
Скорѣй къ окну,
Стекло дребезжитъ и ставни стучатъ,
Ужъ утро,
Солнце сіяетъ,
Воздухъ холодный,
Какъ ключевая вода,
Хрустально звенящій
Ворвался въ комнату.

—

Почему горячія капли обожгли мое лицо,
Почему дрожатъ мои руки?

—

Ты утро любви, ты солнце любви,
Здравствуй!

„Радость моя“ —
Это ты мнѣ сказала.
И вотъ сегодня я
Цѣлый день
Радостно думаю:
„Какъ хорошо, какъ просто и мило.
Есть же на свѣтѣ такія чудесныя слова —
„Радость моя“.

Мы сидимъ вдвоемъ
Въ тихой бесѣдкѣ,
Солнце льетъ прощальный свѣтъ
Сквозь зелень деревьевъ,
И, какъ солнечныя пятна,
Трепетны мои влюбленныя слова
И полны предчувствія тихаго вечера,
И багрянца, и золота
Вечерняго неба:

„Я хочу сдѣлать тебя счастливой,
Но что я могу дать тебѣ,
Я, бѣдный нищій,
Что я могу дать тебѣ
Кромѣ своей жизни?

Отдать бы ее,
Бросить тебѣ ее подъ ноги,
Легко и небрежно,
Чтобъ легче было ступать тебѣ...
Отдать бы ее,
Ничего не требуя взамѣнъ,

Ни любви, ни благодарности,
Отдать только потому, что это такъ
просто, легко и радостно.
Какъ жаль, что ты меня любишь, —
Я хотѣлъ бы отдать тебѣ жизнь
Царственно безкорыстно".

Такъ говорилъ я
Въ тихой бесѣдкѣ,
И солнечныя пятна
Дрожали у тебя на лицѣ, на зелени
деревьевъ,
И въ моихъ словахъ,
И въ твоей улыбкѣ.

„Я твоя“ — ты сказала мнѣ.
Дай мнѣ подумать:
Какъ смѣшно, и странно, и радостно,
Ты моя,
Душою и тѣломъ,
Это значитъ, мои — эти ясные глаза,
Я могу прижать уста къ твоимъ устамъ,
И поднести къ губамъ эту руку.
Вотъ захочу — подыму ее,
Захочу — опущу.
Захочу и возьму твою тяжелую косу
И закину ее тебѣ на плечи,
Какъ задорный мальчишка,
Или заверну ее въ корону,
Царица моя!
Какъ это странно, смѣшно
И радостно.

Когда ты уходишь,
Мнѣ тѣсно здѣсь съ моимъ счастьемъ,
И я стремглавъ сбѣгаю внизъ по лѣстницѣ
Черезъ четыре ступеньки,
И едва не сбиваю съ ногъ,
Старушку даму,
И извиняюсь,
Вѣжливо приподнявъ шляпу.
Къ чему я извиняюсь?
Слишкомъ долго ходилъ я чинно вверхъ
и внизъ,
Сегодня я хочу бѣжать стремительно —
Черезъ четыре ступеньки!

Когда ты уходишь,
Поцѣлуи твои звенятъ въ воздухѣ,
И порхаютъ въ комнатѣ,
Какъ невидимыя маленькія бабочки,
И садятся мнѣ на руки,
На лицо, на уста,
И, закрывши глаза, вотъ, я чувствую
Нѣжный трепетъ мягкихъ ихъ крылышекъ
На рукахъ, на лицѣ,
На устахъ.

Отдохни, моя милая,
Я буду рядомъ съ тобой,
Я буду смотрѣть на тебя
При блѣдномъ свѣтѣ лампы,
Бережно подверну подъ тебя
Вязанный платокъ,
Окутаю тебя тихой лаской,
Какъ мягкими его складками.

Дождь, дождь
Льется съ небесъ
Крупными каплями,
Льется и бьется о землю
Съ радостнымъ звономъ.
Мы быстро идемъ рука объ руку
По сырой землѣ,
Какъ плещетъ вода у насъ подъ ногами
Въ чистыхъ лужахъ,
Какъ хорошо чувствовать теплую влагу
На лицѣ, на рукахъ,
И вдыхать томный запахъ тополей,
И видѣть омытую землю.
Какъ хочется прильнуть къ ней,
Лечь щекой на размытую глину.
А у тебя-то, у тебя-то!
Мокрая рука въ моей рукѣ,
Мокрое милое лицо, мокрые волосы,
Мокрое платье.
Капли дождя бьются о землю съ силой
и радостью,
Или сила и радость у меня въ сердцѣ?
Дождь, дождь!

Я ѣхалъ къ тебѣ на пароходѣ,
И радуга, цѣльная радуга,
Обняла все небо
Отъ края до края,
И, какъ въ радужныя ворота,
Я ѣхалъ къ тебѣ по рѣкѣ,
И славилъ Бога,
И тебя, и любовь нашу.
Какъ же мнѣ не вѣрить въ Него,
Не славить Его,
Когда такую праздничную арку
Строитъ онъ для насъ съ тобой, для насъ
съ тобой, для насъ съ тобой!

Вѣдь эта радуга для насъ съ тобой,
А тѣ незамѣтно сѣрые,
Промокшіе подъ дождемъ пассажиры,
(Какъ впрочемъ промокли и мы съ тобой)
И хмурый капитанъ,
И черный истопникъ,
Они только такъ,
Только кажется, что они существуютъ,
Они живутъ только для того,
Чтобы войти въ нашу радость,

И когда мы будемъ вспоминать эти минуты,
Мы вспомнимъ ихъ сѣрыхъ и темныхъ,
Радужными, просвѣтленными,
Они, какъ радуга и брызги колесъ,
Для насъ съ тобой, для насъ съ тобой,
для насъ съ тобой!

Голь

РАЗСТАВАНЬЕ.

Въ часъ разставанья ты была спокойна,
Все было тихо и печально стройно,
Какъ тѣ зелено-сумрачныя ели,
Которыя надъ нами шелестѣли.

Въ часъ разставанья тишина лѣсная
Была кругомъ, и темная, сквозная,
Густая зелень, какъ покровъ тяжелый,
Свѣтъ пропускала солнца — невеселый.

Въ часъ разставанья шли въ листвѣ мы желтой
О, призракъ осени, уже пришелъ ты,
И лѣсъ листвою мертвой, прошлогодней
Твердилъ намъ неизбѣжное: „сегодня!“

Въ часъ разставанья ключъ журчалъ средь моха,
И шелестъ елей былъ, какъ трепетъ вздоха,
Просвѣты неба были такъ воздушны,
И мы казались оба равнодушны.

1911.

Безнадежность глядѣла мнѣ въ очи
Напряженно пустыми глазами,
Истекала въ безсонныя ночи
Водяными и злыми слезами.
Безнадежность смѣялась и пѣла,
И плясала, плясала, плясала!
Долго, долго душа терпѣла
И, какъ чадный очагъ, угасала...

I

Особымъ знакомъ отмѣчаетъ кровь
И изъ людскихъ рядовъ выводитъ властно.
Какъ кровь, судьбы печать кладетъ любовь —
Она сильна, какъ смерть, когда несчастна.

Причудлива судьбы и жизни вязь,
Всѣхъ красокъ смѣсь въ ней не разложитъ
призма,
Но мстителей съ любовниками связь
Понятна мнѣ изъ общаго трагизма.

Пусть безнадежный въ станъ борцовъ придетъ,
Но приведетъ его не безнадежность,
А раненой души больной полетъ,
Кровавый знакъ, мрачащій бѣлоснѣжность.

II

Такъ легко, легко и просто
Отдаемъ мы жизнь свою,
Ляжемъ, ляжемъ внѣ погоста
Въ нелюбимомъ, зломъ краю.

И въ послѣднія мгновенья
Будемъ помнить мы о ней.
Сердце, сердце, пламенѣй!
До великаго забвенья
Близъ невѣдомыхъ огней,
Будемъ помнить все о ней.

И когда насъ за собою
Позоветъ благая смерть,
Тамъ за твердью голубою
Прозрѣваемая твердь, —

Будетъ въ насъ не ужасъ Ночи,
Но сильнѣй, чѣмъ смерть, тоска,
Что закроетъ наши очи
Не завѣтная рука.

1911.

Въ мірѣ прочнаго нѣтъ ничего,
Все уносится мимо, мимо.
Но любовь быстрѣе всего
Исчезаетъ, какъ легкіе дымы.

Прижимай, прижимай сильнѣй
Ближе къ сердцу милую руку,
Скоро ты не приникнешь къ ней,
Будь готовъ каждый мигъ на разлуку.

Обнимай, обнимай тонкій станъ,
Онъ, какъ призракъ, въ душѣ витаетъ,
Онъ, какъ сладкій, краткій обманъ,
Промерцаетъ, пробрезжитъ, растаетъ.

Въ мигъ отчаянья жадно лови
Легковѣйныя складки одежды.
Больно ранятъ жала любви,
Безнадежны ея надежды!

Тяжело идти, тяжело идти,
По земнымъ путямъ тяжело брести,
Вотъ еще уклонъ, еще поворотъ,
Вотъ еще подъемъ, и тотъ, и тотъ.

Пыль и острые камни знойныхъ дорогъ,
Тяжесть ногъ, утомленныхъ, свинцовыхъ ногъ,
Раскаленное олово съ небесныхъ полей
На усталыя головы, Солнце, не лей!

Если бодрый товарищъ съ тобою идетъ,
Если милая женщина рядомъ поетъ, —
Легче ношу нести, идти веселѣй
По просторамъ скудныхъ земныхъ полей.

Если жъ броситъ женщина по срединѣ пути, —
Силъ не станетъ идти, идти, идти,
И въ душѣ одно желанье — прилечь,
Сбросить, сбросить котомку съ усталыхъ плечъ.

Испилъ ты эту чашу до конца.
Ты нѣжную узрѣлъ нежданно грубой,
Увидѣлъ сжатыя презрѣньемъ губы
И замкнутость холодную лица.

Со страстью ей молился ты сугубой,
Ты думалъ — мягки женскія сердца,
Но ты не зналъ, что тѣ, кто имъ не любы,
Для нихъ не болѣ значатъ мертвеца.

Но ты не зналъ, что если глубоко
Ты, грѣшникъ, палъ, явилъ вдругъ слабость,
малость,
Когда Любви иль Смерти ждетъ Усталость, —

Вдругъ женщина разлюбитъ, и легко
Все прошлое отброситъ далеко,
Забывъ святое чувство женщинъ — жалость.

Съ средней долей не могу я примириться,
А добыть другую гдѣ же силы!
Только остается, что молиться,
Только остается ждать могилы,
Только остается вѣрить въ чудо,
Только остается вѣрить въ Бога, —
Вотъ открою въ сердцѣ золотыя руды,
Вотъ начнется восходящая дорога.

Скоро, скоро, скоро
Время пролетитъ,
Вотъ ужъ сосны бора
Осень золотитъ,
Скоро ихъ покроютъ
Бѣлые снѣга,
Ихъ весной омоетъ
Вольная рѣка.

До весны лишь этой
Ты и доживешь,
Не увидишь лѣта
Зрѣющую рожь,
До весны, быть можетъ,
Сможешь добрести.
Пусть мнѣ Богъ поможетъ
Боль перенести.

Ты сегодня сладостно прекрасна,
Я тебя такою не видалъ.
Образъ твой дрожитъ неясно,
Какъ сквозь призрачный кристаллъ.

Сердце полно грустною тревогой,
Знаю я, что скоро ты уйдешь
Потаенною дорогой,
И меня съ собой не уведешь.

Я останусь плакать надъ могилой,
На могилу приносить цвѣты,
Забывать твой образъ милый,
Вспоминать лишь тѣнь мечты.

Я покоряюсь: горькій случай правъ.
Но странно душу мучитъ и тревожитъ,
Что вотъ умру я, даже не узнавъ
О свѣтломъ Имени Твоемъ, быть можетъ.

Какъ долго и легко я жилъ на свѣтѣ,
Боюсь, что вдругъ отъ жизни я проснусь,
Какъ ночью въ безпричинномъ страхѣ дѣти,
И съ горестнымъ прозрѣньемъ оглянусь

На прошлое: о, сонъ минутъ безъ счета,
Безъ смысла сонъ! Какъ жить, чему служить?
Тускнѣетъ ржавой жизни позолота.
О, какъ мнѣ больно жить, какъ странно жить!..

О, бѣдный другъ мой милый,
Не плачь, не плачь!
Кругомъ насъ видъ унылый
Пустынныхъ дачъ.

День, точно майскій, выпалъ.
Покой глубокъ!
Сентябрь листвой усыпалъ
Въ саду песокъ.

Я знаю — ты готова,
Такъ пусть же, пусть,
Пусть будетъ свѣтлой снова,
Звенящей грусть!

Ни словъ, ни слезъ, ни вздоха,
Гляди, — пѣвучъ
Изъ камня среди моха
Струится ключъ.

И чтобъ хватило силы
Мнѣ руку дай.
О, другъ мой, другъ мой милый,
Прощай. прощай!

Всѣмъ уставшимъ легче было прежде;
Чтобъ пріютъ до радостной зари
Дать въ конецъ измученной надеждѣ
Тихіе цвѣли монастыри.

Желтый и зеленый бархатъ лѣса,
Яркіе на бархатѣ цвѣты
Свѣжей и таинственной завѣсой
Окружали тихіе кресты.

Рѣяло торжественное ave,
Какъ потокъ хрустальный жизнь текла,
Радостные звуки Божьей славы
Далеко несли колокола.

Женщины, пресыщенныя мукой,
— Горекъ жизни вкусъ имъ, міръ ихъ пустъ —
Никогда не слышавшія звука
Словъ, несущихъ нѣжность съ милыхъ устъ.

И другія, тѣ, чьи свѣтъ и пламя,
И любовь, и счастье позади,
У которыхъ скорбными крестами
Сложенныя руки на груди,

Всѣ, кто клялъ отчаянья безбрежность
Съ болью перекошеннымъ лицомъ,
И кого тупая безнадежность
Окружила сомкнутымъ кольцомъ, —

Приходили, жили, догорали,
И синѣлъ ихъ взоръ, яснѣлъ ихъ духъ,
Словно звуки робко замирали,
Чье дрожанье еле ловитъ слухъ...

...А теперь ужъ въ мірѣ нѣтъ жилища,
Гдѣ была бы скорбь ясна, тиха,
Какъ подъ сѣнью сельскаго кладбища,
Безъ заботы шумной, безъ грѣха.

Abbaye de Saint Wandrille.

ВЕЧЕРЪ.

Я люблю успокоенность тихаго вечера,
Надъ рѣкою опаловость ласковыхъ сумерекъ.
Вспоминать тебѣ некого, и любить тебѣ нечего,
Умири, Боже, душу твоего раба (имя рекъ)!

Неба зелень, сиреневость между облакъ разорванныхъ...
О, душа, не скорби, полюби успокоенность.
Облакъ нѣжныхъ края потускнѣли узорные, —
Вѣрь, не будетъ мучительно, ждетъ успенье благое насъ.

Оно нѣжное, тихое, какъ сумерки смутное.
О, излиться, пролиться въ мерцающей лирности,
Чтобы муки всѣ замерли, чтобы чувства всѣ умерли
Въ этой ясной всемірности, въ этой тихой вечернести.

Мартъ. На Сенѣ.

РАЗНЫЯ

МОРЕ

Холодный вѣтеръ въ лицо намъ вѣетъ
Соленой влагой — идемъ, идемъ!
Надъ нами чайка въ лазури рѣетъ
И разсѣкаетъ ее крыломъ.

Подъ вѣтромъ платье какъ парусъ бьется,
Все противъ вѣтра — съ тобой вдвоемъ,
Куда — не знаю, намъ даль смѣется,
Все дальше, дальше, идемъ, идемъ!

КУБОКЪ ВОДЪ.

Море — полная до края чаша,
Водъ упругость вольную тая,
Напряженно, полнозвонно плещетъ,
Пѣнится, какъ радость, радость наша.
Вотъ заблещетъ, яро затрепещетъ
И переплеснетъ черезъ края.

То заздравный, полный поднялъ кубокъ,
Опустивъ на золотое дно
Звонкое кольцо всѣхъ зововъ бездны,
Пьетъ за Міръ и Міра красоту Богъ,
Въ ночи звѣздной бьетъ о край желѣзный
Терпкое и горькое вино.

1911.

УТРО.

Звонъ и плескъ серебряный прибоя,
Надъ землею знойно вѣютъ сны.
Море плещетъ, сѣро-голубое,
Средь великой міра тишины.

Я не сплю и грежу о пространствѣ
Зыбкихъ и упруго нѣжныхъ водъ,
О путяхъ далекихъ, вольныхъ странствій,
О тебѣ, еще нѣмой, восходъ.

Въ этотъ часъ, когда природа дремлетъ,
Міръ отъ зноя лѣтней ночи пьянъ,
Хорошо мнѣ думать, что объемлетъ
Землю свѣжимъ хладомъ океанъ.

И, что онъ не только этотъ берегъ,
И не только этотъ материкъ —
Африку, рѣзной узоръ Америкъ
Также омываетъ въ этотъ мигъ.

Омываетъ, вольно овѣваетъ
Влажнымъ вѣтромъ, вѣющимъ, какъ сны,
Радостныя пѣсни запѣваетъ
Съ ритмомъ, бьющимъ въ сердце тишины.

ВОЛНЫ.

О, волны, нѣтъ отвѣта вамъ.
Твердите вы о чемъ,
Когда вы съ фіолетовымъ
Цѣлуетесь лучомъ,
И съ страстью вѣчно-новою
Закатъ въ вашъ плескъ влюбленъ,
Когда во все лиловое
Рядится небосклонъ?

О чемъ вы вопрошаете,
О чемъ шумите вы,
Когда вы одѣваете
Всѣ ткани синевы,
Когда порой полдневною,
Открывъ лазурный взоръ,
Сливаете напѣвные
Вопросы въ стройный хоръ?

О чемъ поете нѣжно вы
Въ красѣ стыдливой утръ,
Когда томны безбрежно вы,
Какъ блѣдный перламутръ,
И солнца взоры чистые
Пронзаютъ васъ до дна,
Вы, свѣтлыя, лучистыя,
Какъ дѣти послѣ сна?

Кричите вы и шепчете
О чемъ во тьмѣ ночей,
— Чѣмъ днемъ, удары крѣпче тѣ,
И отзвуки звончѣй, —
Когда горитъ чуть блещущій
Въ ночи вашъ черный взоръ,
И, какъ вопросъ трепещущій,
Сверкаетъ въ немъ фосфоръ?

И послѣ смерти вечера,
Когда издалека,
Какъ горъ снѣга и глетчеры,
Бѣлѣютъ облака,
О чемъ, одѣвшись въ бурую,
Мерцающую сталь,
Поете пѣснь вы хмурую,
Чего вамъ волны жаль?...

1905.

Море ночное бьется волною
Въ берегъ скалистый,
Волны прибоя крикомъ покрою,
Крикомъ восторга!

Слабые звуки въ мощныя руки
Вѣтеръ подхватитъ.
Онъ ихъ поймаетъ и разбросаетъ
Вдаль по простору.

Смѣлъ я и молодъ, жизненный молотъ
Душу не сломитъ,
Полонъ я жаждой радостью каждой
Сердце насытить!

Даль моря синѣетъ безгранная,
Бѣлѣетъ челнокъ вдалекѣ,
Прекрасная, милая, странная,
Какъ дивно на влажномъ пескѣ.

Какъ вѣтеръ съ любовью и силою
Играетъ кудрями волосъ,
Прекрасная, странная, милая,
Любуюсь тобою до слезъ.

Когда ты печально безгласная
Близъ шумнаго моря стоишь,
О милая, странно прекрасная, —
Въ душѣ моей странная тишь.

ЭЛЛАДА.

Сверкая жемчужною пѣной, на берегъ прозрачныя волны
Взбѣгаютъ одна за другою, и рокотъ ихъ такъ говорливъ.
Все дальше, впередъ придвигаетъ большіе рыбацкіе челны
На гребнѣ любовно и ровно размѣренно-шумный приливъ.

Ужъ солнце, склоняясь на отдыхъ, въ парчу и багрянецъ богато

Убрало постель свою — море, покрывало свое
— небеса.
На розовый мраморъ похожи въ алѣющихъ
краскахъ заката
У чаекъ звенящія крылья, у лодокъ большихъ
— паруса.

Въ прибрежныя мелкія воды опущены мокрыя
сѣти,
Сребристой чешуйчатой рыбы обильный, бога-
тый уловъ,
У берега тѣсно толпятся довольныя жены и
дѣти,
И гулъ долетаетъ до лодокъ и криковъ, и
радостныхъ словъ.

И кажется мнѣ, что вотъ такъ же все было
когда-то, когда-то,
Въ далекой прекрасной Элладѣ, въ изломахъ
ея береговъ,
И такъ же, какъ розовый мраморъ, алѣли въ
сіяньи заката
И чайки, и парусы лодокъ, и пѣна, и мраморъ
боговъ.

И такъ же сверкала, какъ грани самоцвѣтныхъ
камней діадемы,

Гряда облаковъ озаренныхъ съ краями опаловъ
свѣтлѣй,
И мѣрно спускалися весла, и быстро бѣжали
триремы
Съ богатой добычею, снятой съ персидскихъ
большихъ кораблей.

И падали крѣпкія мачты, и звучно причалы
скрипѣли,
И якорь клыками впивался въ прозрачную
влажность песка,
И люди толпились въ волненьи, и въ воздухѣ
ласково пѣли
Божественно-мѣрные звуки, Гомеръ, твоего
языка.

РАЗНОЕ

Благословлялъ я желчь, полынь и омегъ,
Всю горечь дней моихъ,
Когда я въ тяжкой, въ горестной истомѣ
Ковалъ свой горькій стихъ.

Но нынѣ призываю радость, радость,
— Сокъ клеверныхъ стеблей —
Чтобъ еле ощутимую ихъ сладость
Дѣлить съ сестрой моей.

ТЕБѢ.

Кто нибудь изъ насъ услышитъ
Смерти слово;
Кто нибудь изъ насъ утишитъ
Страхъ другого.

О, великое сознанье
Связи нашей:
Вмѣстѣ примемъ испытанье
Смертной чаши!

1911

Ты свѣтлый духъ, чьи крылья бѣлыя
Меня едва коснулись вдругъ,
И, воспаривъ, исчезли смѣлыя,
Кристальнымъ звономъ полня слухъ.
Ты, свѣтлый и прозрачный духъ.

Ты, духъ, чьихъ крыльевъ дуновеніе
Порой касалось вновь меня,
Въ благія, въ рѣдкія мгновенія,
Какъ властный голосъ вдохновенія
Среди немолчныхъ криковъ дня.

И вотъ теперь судьбы излучины
Насъ вновь свели. И это — ты!
И я, къ нежданному пріученный,
Увидѣлъ женщины измученной
Обыкновенныя черты.

Но вотъ, когда ужъ безнадежнѣе,
Чѣмъ смерть, о прошломъ боль была,
Въ глазахъ твоихъ узналъ я прежнія
— Какъ стала боль моя свѣтла —
Два бѣлыхъ, два большихъ крыла.

1911

Вечерами весенними долго она
У раскрытаго настежъ сидѣла окна,
За холодные прутья рѣшетки съ тоской
Крѣпко, крѣпко держалась горячей рукой,
И на черномъ желѣзѣ такъ четко видна
Пальцевъ нѣжныхъ и тонкихъ была бѣлизна.

Изъ окна она видѣла пыльный заборъ,
Утомляющій сѣрой безцвѣтностью взоръ,
А за нимъ чуть заросшій бурьяномъ пустырь,
И багрянаго неба безбрежную ширь,
И ея напряженно темнѣющій взглядъ
Напоялъ своимъ золотомъ рдяный закатъ.

А когда поблѣднѣвшій закатъ догоралъ,
Ей казалось, что кто-то и въ ней умиралъ.

СТАРАЯ ДѢВА.

Безъ цѣли неужели же, ни для кого ненужная
Пройдетъ-уйдетъ жизнь хмурая, понурая моя?
Вся словно суетливая, крикливая, наружная, —
Хочу извѣдать свѣтлыя всѣ глуби бытія.

Хочу, чтобы въ душѣ, въ глазахъ навстрѣчу мнѣ сіяющихъ,
Какъ бы въ стеклѣ поставленныхъ насупротивъ зеркалъ,
Все то же отраженіе безсчетно повторяющихъ,
Мой духъ обогащеннѣе, свѣтлѣе засверкалъ.

Мы мчимся словно въ поѣздѣ, мигъ каждый измѣненные,
Ландшафты, люди встрѣчные мелькаютъ за стекломъ.
Хочу, чтобъ вмѣстѣ кто-нибудь смотрѣлъ въ окно вагонное,
Со мною измѣнялся бы, и плакалъ о быломъ.

РОДЕНБАХЪ.

Чуть мерцаютъ стѣнки хрупкой вазы,
Если слабый свѣтъ зажженъ внутри.
Какъ сіянье первое зари
Онъ невѣренъ и дрожащъ. Для глаза
Странно жутокъ этотъ тихій свѣтъ.
Такъ дрожитъ сіяніе экстаза
На лицѣ у тѣхъ, кто знаетъ бредъ
Творчества, чьей нѣжной кожи цвѣтъ
Одухотворенья носитъ слѣдъ.
Такъ стихи, — граненные алмазы, —
Освѣщаетъ изнутри поэтъ,
Выше этой страсти счастья нѣтъ.
Тѣ стихи, — какъ сладкая зараза,
Льется ихъ пѣвучая струя,
Льется тихо, медленно, не сразу
Льется, всѣ оттѣнки затая
Хризолита, жемчуга, топаза,
Пріобщая властно всѣхъ къ экстазу,
Къ высшему блаженству бытія.

„ОГНЕННЫЙ АНГЕЛЪ“

Валерія Брюсова.

Какъ полноводный Рейнъ течетъ разсказъ,
Но не какъ Рейнъ нѣмецкій межъ зеленыхъ
Холмовъ, гдѣ виноградъ растетъ на склонахъ,
Гдѣ духъ средневѣковья не угасъ,

Но даже память о былыхъ баронахъ —
Разбойникахъ, только плѣняетъ глазъ
Въ замшѣлыхъ замкахъ, гдѣ и рѣчь
влюбленныхъ
Навѣрно тише льется въ страстный часъ.

Не какъ швейцарскій — горныхъ водъ бурунъ,
Но какъ голландскій — мрачный, у низовья
Отъ тучныхъ пастбищъ до безплодныхъ дюнъ.

Разсказъ твой мужественно сдержанъ. Кровью
Окрашенъ онъ. Надъ нимъ, какъ злой
колдунъ,
Застылъ багровый дискъ средневѣковья.

Вдали закатъ мерцаетъ,
Въ алость окрасивъ даль,
Сердце мигъ созерцаетъ
Всемірную печаль.
Какъ сердцу свѣта жаль!

По теплой мягкой пыли
Ѣду сквозь лѣсъ домой:
Грежу о дняхъ, что были
Такъ свѣтлы — Боже мой! —
И смыты теплой тьмой.

Грущу о двухъ могилахъ
Въ дальнемъ, въ родномъ краю,
Грежу о людяхъ милыхъ,
О тѣхъ, кого люблю,
Помедлить тьму молю.

1911.

ВЪ БЕЗВРЕМЕНЬЕ.

Въ насъ сердце напитано гнѣвомъ и желчью,—
Какая горька намъ полынь!
Скулимъ мы по-лисьи и воемъ по-волчьи
Средь зимнихъ безснѣжныхъ пустынь.

Безснѣжныхъ: вѣдь снѣгъ одѣваетъ порошей,
Какъ мантіей, голую жердь,
И кажется ласковой, нѣжной, хорошей
Подъ снѣгомъ и самая смерть.

Въ безснѣжныя, тусклыя, мертвыя зимы
Мы твердый, какъ ледъ, черноземъ,
Звѣриною, темной тоскою томимы,
Со смутною скорбью грызем.

Мы рады, что клочья облѣзлые шерсти
Отъ смерти спасли, унесли.
О, Боже, никто же не броситъ ни персти
На трупъ нашъ могильной земли!

Живемъ мы бездольно, умремъ мы безплодно, —
Какая горька намъ полынь!
И все же намъ страшенъ ликъ смерти холодный
Средь зимнихъ безснѣжныхъ пустынь.

1911.

Онъ ушелъ на утренней зарѣ,
Въ часъ, когда сіяли на горѣ
Первымъ блескомъ солнечныя пятна.
Цѣлый день онъ гдѣ-то пробродилъ,
Цѣлый день домой не приходилъ,
Къ вечеру вернулся онъ обратно.

Онъ пришелъ, когда блѣднѣлъ закатъ,
Былъ въ пыли, въ крови его нарядъ,
Самъ онъ истомленъ былъ и безгласенъ,
Словно въ тяжкихъ битвахъ изнемогъ,
Но безгласный былъ, какъ юный Богъ,
Радостно и солнечно прекрасенъ.

И въ волнахъ сгущающейся тьмы
Молчаливо вопрошали мы,
Гдѣ онъ былъ, зачѣмъ пришелъ обратно,
Съ кѣмъ боролся, бился за кого,
И была намъ свѣтлая его
Радость — такъ чужда и непонятна.

Вѣрю въ свѣтлаго ангела,
— Боже силы моей, —
Вѣрю въ грознаго ангела
Въ голубыхъ небесахъ.

Прилетитъ онъ на помощь намъ,
— Боже воли моей, —
Такъ я вѣрю, я, сломленный,
Я, поверженный въ прахъ.

Съ безнадежной надеждою,
— Боже вѣры моей, —
Ожидаю паренія
Ослѣпительныхъ крылъ.

Утѣшенья, свершенія,
— Боже страсти моей, —
И не мщенья, — прощенія,
Боже силъ, Боже силъ!

1911.

Меня ты спрашиваешь, отчего
Такъ медленно теперь проходитъ время,
Тягучее, какъ скучный долгій гость,
Однообразное, какъ день больничный.
Иль вправду жизнь не движется, и люди
Такъ стали плоски, какъ листокъ бумаги?

О, милый другъ, повѣрь мнѣ, жизнь идетъ
Впередъ, идетъ не медленнѣй, быть можетъ,
Чѣмъ вѣчно шла. Вѣдь міра механизмъ
Похожъ на старые куранты съ хрипомъ
И гирями, медлящими движенье:
Едва замѣтенъ ходъ минутъ-годовъ,
И только внятенъ бой часовъ-столѣтій!

Но чудо привелося намъ увидѣть:
Вдругъ завертѣлись съ быстротой безумной
Колеса и колесики, пружины
Всѣ напряглись, едва сердецъ біенье

За страстнымъ темпомъ жизни поспѣвало.
Но слишкомъ хрупокъ дивный механизмъ,
Застопоренный грубою рукою,
Онъ вновь пошелъ мучительно-невнятно.
И вотъ одни опять свои часы
Провѣрили, замедля ихъ движенье,
Но тѣ, кто ихъ еще не переставилъ,
Обречены! О, бѣдный другъ мой, долго
Не могутъ жизни ярче быть, чѣмъ Жизнь!

ТАНЦЫ.

1. ВЕНГЕРКА.

Синій твой взоръ робко блеститъ,
Свѣтлое платье нѣжно шелеститъ,
Ну-же, впередъ, впередъ, впередъ,
Не все равно-ли, что въ будущемъ насъ
ждетъ!

Сѣрая жизнь у насъ позади,
Сѣрая жизнь у насъ и впереди,
Ужасъ морщинъ и раннихъ сѣдинъ,
Ужасъ и горечь, всему конецъ одинъ.

Ну-же, впередъ, впередъ, впередъ,
Радостный взоръ насъ манитъ и зоветъ
Губами къ губамъ страстно прильнуть,
Горечь и боль не прогнать, такъ обмануть.

Крѣпко сжимаю твой гибкій станъ,
Жизнь такъ горька и такъ сладостенъ обманъ,
Чувствую я сквозь корсажъ теплоту,
Въ сердцѣ лелѣю мечту и красоту.

2. вальсъ.

Ахъ счастья, я счастья хочу
Безъ конца, безъ границъ, безъ краевъ,
И вотъ я на мигъ улечу
Въ озаренныя области сновъ.

Потому что въ жизни моей
Все такъ бѣдно и такъ темно,
Золотыхъ такъ мало огней,
И явственно близкое дно.

А я бы хотѣлъ умереть
Въ блаженномъ сіяніи слезъ,
А я бы хотѣлъ сгорѣть
Въ томно медленномъ пламени грезъ.

И когда средь вальса слова
Ты мнѣ шепчешь, какъ легкіе сны,
Такъ кружится въ чаду голова,
Какъ отъ сладкаго бреда весны!

3. ПОЛЬКА.

Я люблю васъ съ болью слезъ.
Вы скользите по паркету,
Быстрый танецъ васъ унесъ
Къ счастью, къ солнцу, къ жизни, къ свѣту.

Быстрый танецъ закружилъ
Въ вихрѣ грезъ нѣмыя пары,
Я въ тиши подсторожилъ
Блескъ очей, сердецъ удары.

Электрическихъ огней
Льется свѣтъ на васъ тревожно.
Прочь заботы сѣрыхъ дней,
Будетъ правдой все, что ложно!

Вы во снѣ — я на яву:
Вижу, вижу въ вихрѣ танца
Подъ глазами синеву,
Лихорадочность румянца.

Пусть же будетъ веселъ тактъ,
Оживленны кавалеры,
Этотъ вечеръ лишь антрактъ
Въ пьесѣ скучной, въ жизни сѣрой.

4. ПА Д'ЭСПАНЬ.

Они парами тихо подъ музыку шли,
Некрасивы были ихъ лица,
Эти блѣдныя, бѣдныя дѣти земли,
Дѣти столицы.

Въ долгіе дни
Работы и хмурой заботы
Мечтали они,
Надъ свинцомъ сѣрой жизни сверкала
мечты позолота.
День ихъ мечты,
Вотъ ты!

Бѣдные, бѣдные люди,
Я страстно молюсь,
Я горько молюсь о радостномъ чудѣ!
И горько сжимаетъ мнѣ горло, какъ
грубая чья-то рука,
Тоска

А васъ впередъ увлекаетъ
Танецъ,
И на блѣдныхъ щекахъ такъ ярко сверкаетъ
Румянецъ.

Шагъ впередъ, шагъ назадъ,
Робкій смѣхъ, нѣжный взглядъ,
Между рукъ гибкій станъ,
И волнуется кровь,
И сіяетъ любовь, —
О, жалкій романъ,
О, горькій обманъ!

Шагъ назадъ, шагъ впередъ,
Скривился ротъ
Отъ нѣжной, смущенной и милой
улыбки,
Какъ страшны ошибки,
Какъ скоро конецъ настаетъ.

Бѣдные, бѣдные люди,
Я тайно молюсь,
Я страстно молюсь,
Я горько молюсь о творческомъ чудѣ!

О, неужели оно не придетъ?
Какъ люблю я васъ всѣхъ,
Рядомъ смѣются счастливые люди.
Какъ имъ не стыдно, какъ имъ не грѣхъ
Смѣяться надъ этими дѣвушками съ
робкими глазами,

У меня въ душѣ ихъ грубый смѣхъ
Звенитъ слезами.

О, какъ всѣ вы похожи,
Сѣрыя дѣвушки — всѣ, какъ одна.
Боже, за что, за что же
Бросилъ ты ихъ въ эту пропасть
безъ дна!
Какой ужасъ быть только похожей,
Ужасъ безъ дна!

1905

Вечернія улицы жутки,
Какъ воды ночной рѣки,
И ходятъ по нимъ проститутки,
Какъ образы вѣчной тоски.

Вотъ взоромъ голодной собаки
Глядятъ мнѣ въ глаза сквозь муть,
И грубая ругань и драки
Нарушаютъ хмурую жуть.

Окутанный тьмою ночною,
Я словно въ руслѣ рѣки —
Какъ дно черно подо мною,
Какъ воды ея глубоки!

И въ сердцѣ острая жалость —
Накормить какую-нибудь.
И въ сердцѣ, какъ смерть, усталость —
На горячей груди уснуть.

О, какъ черныя воды жутки,
Упаду, потону, захлебнусь!
Въ утро мутное у проститутки
Въ полиняломъ гробу проснусь.

1911.

ВЪ ШВЕЙЦАРІИ.

Ты мнѣ сказала: „Видишь, вотъ
Потокъ. Весь міръ — мистерія.
Иль ниспаденье этихъ водъ
Не чудо для невѣрія?

„Какая творческая длань
Ихъ съ высоты низринула,
И дымно призрачную ткань
На горный кряжъ накинула?

„Иль кто-то вѣчный распустилъ
Серебряные волосы,
И солнца лучъ позолотилъ
Ихъ трепетныя полосы?“.

Я не отвѣтилъ. Съ вышины
Летѣлъ потокъ серебряный,
Звеня дрожаніемъ струны
На арфѣ поколебленной.

ФЛОРЕНЦІЯ.

Флоренція — ты свѣтлая мелодія
Во снѣ. Картинъ безмолвіе въ Уффиціяхъ.
Плескъ мѣрный Арно. Въ ласковой природѣ я
Подслушалъ тайну, буду ей молиться я.

Сестра моя, святая и любимая,
Наставница, такъ ясно, тайно мудрая,
Какъ ясныя и все жъ неизъяснимыя,
Какъ дымно голубыя горы твои, Умбрія.

1911.

Переводы.

МУЗЫКА.

Шелли.

По божественной музыкѣ я томлюсь въ страстной мукѣ,
Мое сердце въ той жаждѣ—цвѣтокъ умирающій.
Лей же, лей вино дивное — музыки звуки,
Въ серебристомъ дрожаніи свѣтло затихающей.
Какъ долина безводная высыхаетъ безплодная,
Задыхаюсь безъ музыки я съ тоской безысходною.

О, дыханіе музыки таинственно сладко,
Больше, больше той влаги внезапно пролившейся!
Отъ нея разжимаются кольца и складки
Злой заботы, змѣи вокругъ сердца обвившейся,
Словно токъ облегченія черезъ вену каждую
Льется въ сердце мое, истомленное жаждою.

Я безъ музыки словно лѣсная фіалка
У глубокаго озера, когда чашечку росъ ея
Выпилъ полдень дремотный, и лежитъ она
жалко,
И туманъ не поитъ ее, и запахъ унесъ ея
Вольный вѣтеръ на крыльяхъ надъ гладью
зеркальною.
Но когда я гармоніей упоенъ музыкальною,

Словно вновь вино въ чашѣ зачарованной
пью я,
И кипитъ, и сверкаетъ та чаша торжественно,
Словно фея мнѣ счастье даритъ поцѣлуя.
Я томлюсь по музыкѣ — она божественна.

ГРЕБЕЦЪ.

(Le passeur d'eau) *Верхарнъ.*

Онъ гребъ сквозь враждебныя волны и тьму,
Тростинку зеленую крѣпко зубами сжимая.

Но та, увы, что взывала къ нему,
Тамъ, въ темной дали за волнами,
Скрывалась, все вглубь уходя, пропадая.

И съ берега башни съ часами
И очи оконъ
Смотрѣли, какъ бился и мучился онъ,
Свой торсъ отъ усилія вдвое сгибая,
Какъ мускулъ былъ каждый его напряженъ.

И вдругъ сломалось весло,
Теченье его унесло
Тяжелыми волнами къ морю.

А ту, что его окликала и звала,
Туманная мгла покрывала,
Она простирала къ нему, отдаленному, руки,
Въ безумной ломая ихъ мукѣ.

Гребецъ остающимся цѣльнымъ весломъ
Сталъ волны сильнѣй разсѣкать напроломъ,
И все его тѣло трещало,
И сердце въ горячечной, трепетной дрожи
дрожало.

Ударомъ потокъ
Сломалъ вдругъ руль и повлекъ
Его, какъ жалкое лохмотье, въ море.

И окна жилищъ надъ рѣкой,
Глядящія съ жуткой тоской,
И башни съ часами, какъ темныя вдовы,
Надъ нею стоящія, прямы, суровы,
Смотрѣли въ упоръ на него,
Безумца, который упорно — зачѣмъ, для чего!—
Свой путь продолжалъ безумный.

А та, что его звала, окликала,
Вопила, вопила и все не смолкала,
И, вытянувъ шею, съ усильемъ въ безвѣстный
просторъ порывалась,
И въ ужасѣ вся надрывалась.

Гребецъ же, какъ будто литой изъ металла,
Средь бури, что вкругъ клокотала,

Стоялъ, и своимъ уцѣлѣвшимъ весломъ
Все гребъ напроломъ.

И старческимъ взорамъ его воспаленнымъ
Казался далекій просторъ освѣщеннымъ,
Оттуда все голосъ къ нему доносился
И жалобно въ душу просился.

Сломалось второе весло,
Теченьемъ его унесло,
Какъ жалкую соломинку, въ море.

И онъ, истомленный, упалъ на скамью,
Почувствовавъ горько разбитость свою.
Теченьемъ его подхватило,
Назадъ оглянулся, — напрасно растрачены силы,
Отъ берега онъ не отчалилъ ладью.

И окна, и башни съ часами
Глядѣли большими пустыми глазами
На гибель усилій, поверженныхъ въ прахъ.
Но духъ былъ упоренъ его,
И онъ сохранилъ, — знаетъ Богъ, накогда, для чего, —
Тростинку зеленую, сжатую крѣпко въ зубахъ.

ЧАЙЛЬДЪ-ГАРОЛЬДЪ.

(На смерть Байрона). *Гейне.*

На просторной баркѣ черной,
Въ даль плывущей — трупъ лежитъ,
Погребальный, стражъ печальный
Прахъ поэта сторожитъ.

Спитъ онъ мертвый, распростертый,
На глазахъ покрова нѣтъ.
Иль онъ ими, голубыми,
Смотритъ въ небо, видитъ свѣтъ?

Это волны, стоновъ полны,
Бьются о́ бортъ безъ конца?
Иль русалкѣ блѣдной жалко
Опочившаго пѣвца?

1911.

Piccicato.

АНЕМОНЫ.

Ярки ситцы анемонъ,
Жарокъ красочный ихъ звонъ,
Словно онъ
Въ перекличкѣ повторенъ
Ловкихъ, смѣлыхъ и умѣлыхъ,
Во сноровкахъ почернѣлыхъ,
И кующихъ
Сильныхъ рукъ.
Каждый звукъ
Пѣвуче грубъ,
Какъ изъ дѣвичьихъ, поющихъ,
Алыхъ, шалыхъ, не усталыхъ
И цвѣтущихъ,
Не завялыхъ,
Алыхъ губъ.
Словно дѣвки въ сарафанахъ,
Въ яркихъ бусахъ,
Краской пьяныхъ,
Между русыхъ,
Между льняныхъ,
Милыхъ косъ!..

Твои глаза такъ пепельно сѣры,
Въ нихъ еще много наивной вѣры,
Но щеки, какъ кожа спѣлыхъ гранатъ,
Отъ страсти пылаютъ и рдяно горятъ.

Ты словно уголь подъ слоемъ пепла,
Сила души твоей еще не окрѣпла,
Ты уголекъ золотой, золотой
Подъ серебряной, матово-сѣрой фатой.

Я смѣшанныхъ красокъ люблю сочетанье,
Багряныхъ отсвѣтовъ въ серебрѣ трепетанье,
Они вспыхнутъ, погаснутъ и вспыхнутъ
вновь,
Какъ твоя багряная, густая кровь.

Милый ангелъ, ты слишкомъ добра,
Добрый ангелъ, ты слишкомъ щедра!
Всѣмъ звенитъ твой серебряный смѣхъ,
Золотыя улыбки — для всѣхъ.

Впрочемъ, я не жалѣю для нихъ
Ни улыбокъ, ни взоровъ твоихъ:
Для себя сохраню я одинъ,
Я, сокровищъ твоихъ господинъ,

Только кружево легкое грезъ,
Да жемчужины теплыя слезъ,
Только горсть поцѣлуевъ твоихъ —
Раскаленное золото ихъ!

PICCICATO ПРИ ЛУНѢ.

Хорошо имъ сидѣть на скамейкѣ,
Хорошо быть шестнадцати лѣтъ, —
Пусть луна изъ серебряной лейки
Льетъ, какъ влагу густую, свой свѣтъ.

Хорошо быть счастливо влюбленной,
Знать, что рядомъ герой и поэтъ, —
Пусть луна все рядитъ въ осребренный,
Лунно-матовый призрачный цвѣтъ.

Хорошо быть прозрачно струистой
И вдыхать смутный сонъ, тихій бредъ,
И въ глазахъ отражать такъ лучисто
Нѣжно чистый таинственный свѣтъ.

Хорошо быть у ногъ гимназистки,—
Міра нѣтъ, горя нѣтъ, завтра нѣтъ!
Звѣзды лунныя блѣдны, но близки,
Міръ весь въ лунныя ткани одѣтъ.

Бьютъ сердца такъ любовно, неровно,
Перебоемъ другъ другу въ отвѣтъ,
И луна лишь одна хладнокровно
Молча слушаетъ нѣжный дуэтъ.

„Я люблю васъ, люблю васъ навѣки,
Не нарушу свой гордый обѣтъ“.
Тихо катятся лунныя рѣки,
Лунный, струнный звенитъ менуэтъ.

„Ахъ, какъ жалко, что завтра экзаменъ,
Надо спать, а ужъ скоро разсвѣтъ“.
На востокѣ зардѣвшійся пламень
Гаситъ таинственный свѣтъ.

„А какой?“ — „Да латынь и словесность“. —
Грубъ и простъ прозаичный отвѣтъ,
А луна выпиваетъ тѣлесность,
Мигъ — и вотъ — тѣла нѣтъ, тѣла нѣтъ!

Вотъ исчезнетъ, прольется, растаетъ
Въ свѣжесть росъ, въ дымный паръ, въ
блѣдный свѣтъ.
Сыро стало и онъ предлагаетъ
Ей закутаться въ англійскій плэдъ.

PREMIÈRE COMMUNION.

Бѣлыя юбочки,
Какъ тучки на ранней зарѣ.
— Милыя, голубочки —
Говоритъ прихожанкѣ кюре.

— Плѣнительна дочка ваша.
О, сладкій Іисусъ!
Она всѣхъ дѣвочекъ краше,
Ваше платье — прелестный вкусъ".

Небо сине безъ мѣры,
Небо сине до слезъ,
Нимбъ дѣтской, чистой вѣры
Вкругъ мягкихъ прядей волосъ.

Сіяетъ лучезарно
Нѣжность дѣтскихъ личекъ,
Дѣвочки идутъ попарно,
Какъ стая дрессированныхъ птичекъ.

Смѣются, тряся косичками,
Умиленно, ласково, нѣжно,
Чувствуютъ себя сестричками
И любятъ другъ друга безбрежно.

Жжетъ ножки раскаленный камень,
Туфельки легки и тонки,
Вѣры пламень
Жжетъ сердце дѣвочки-ребенка.

Бабочки шумнымъ роемъ
Вылетѣли рано,
И летятъ попарно и правильнымъ строемъ,
Какъ это странно!

Прорванъ тяжелый коконъ,
Бабочки вылетѣли для жизни короткой,
У дѣвочекъ каждый нервъ и каждый локонъ
Дрожитъ, и въ рукахъ дрожатъ четки.

Дрожатъ отъ счастья безъ мѣры,
Или вы, проходящіе люди,
Не знаете о чудѣ вѣры,
О свершившемся свѣтломъ чудѣ.

Или вы не знаете, что нынѣ
Выросли дѣтскія души?
Молитесь же свѣтлой святынѣ,
Грѣшныя души...

АЙСЕДОРА

Айседора

Сегодня пиръ, сегодня радость солнца,
Сегодня брызги слезъ въ моей душѣ.
Одинъ я дома, комната тѣсна,
Одинъ я дома, но зажгу я свѣчи,
Всѣ яркія и радостныя свѣчи,
Какъ набожный еврей свой семисвѣчникъ
Молитвенной рукою зажигаетъ,
Чтобы невѣсту Саббатъ встрѣтить. Радость!
Войди въ мой домъ, въ душѣ цари и властвуй.
Войди въ мой домъ, танцуя и ликуя,
Ты — свѣтъ моей души, ты, Айседора.

Какая-то таинственная связь
Во мнѣ возникла, — какъ, зачѣмъ, не знаю, —
Межъ образомъ безбольной Айседоры
И мальчикомъ, давно ужъ мной забытымъ,
Еврейскимъ мальчикомъ, который несъ
Проклятье нищеты и умеръ рано,

И умеръ рано, въ жизни не узнавъ
О нѣжномъ, свѣтломъ имени твоемъ,
Столь сладостно прекрасномъ, Айседора.
И только съ смутной силой ощущалъ
Полурасцвѣтшею душой, что есть
На свѣтѣ красота и радость...

Онъ былъ немного сгорбленъ, некрасивъ, —
Еврейскія такъ дѣти вырастаютъ
Въ трущобахъ тѣсныхъ — чахлыя, больныя, —
На хиломъ тѣлѣ голова большая
Неправильной и угловатой формы,
Подстриженные коротко, неровно
Щетинистые волосы, на тонкихъ,
Немного злыхъ губахъ усмѣшка скорби
И что-то старческое въ складкахъ рта.
И лишь глаза глубокіе, большіе,
Какъ горныя прозрачныя озера.

Онъ сыномъ былъ портного, въ дѣтствѣ помнилъ
Старуху молодую — мать, отца,
Склоненнаго надъ вѣчною работой,
Подвалъ, полоску неба, грязный дворъ,
Немного травки чахлой у сарая,
Какой-то кустикъ у воротъ и стаю
Крикливыхъ и задорныхъ мальчугановъ.

Онъ былъ такой прозрачный, хрупкій, нѣжный,
Онъ былъ слабѣй другихъ и вотъ его
За это били и прозвали „Малхамовэсъ“,
Что значитъ — ангелъ смерти.
Айседора!
Ты жизнь и свѣтъ, ты жизнь и красота,
Ты радость радости и жизни жизнь...

Онъ не узналъ, что значитъ слово старость,
Онъ былъ нетерпѣливъ, онъ не дождался,
Онъ зналъ лишь дѣтство, отрочество,смерть.

И въ дѣтствѣ раннемъ свѣтъ мелькалъ порою:
Проснешься радостно и знаешь — Пасха.
Не только что работать, — и ходить
Нельзя сегодня много. Быстро вскочишь,
Скорѣе въ воду окунешь лицо,
(Отецъ не любитъ заспанныхъ, хоть онъ
Сегодня добръ). Скорѣе на молитву,
Знакомыя слова бормочешь быстро,
Но все же совѣстливо, — пропускать
Слова молитвы грѣхъ, — вотъ достоишь
Передъ концомъ „большое шэминэсрэ,“
А тамъ горячій чай съ мацой творожной,
А тамъ игра въ орѣхи на дворѣ,

И маленькое сердце такъ трепещетъ
И бьется, какъ орѣшекъ на доскѣ.
А вечеромъ свѣтла, какъ радость, скатерть,
И мальчикъ нараспѣвъ, онъ самый младшій,—
Герой и принцъ, — сначала тихо, тихо,
Къ концу жъ задорно спрашиваетъ дѣда,
Что значитъ эта радость, эта ночь.

О Пасха, о божественная радость,
Сухая, какъ маца, безъ поцѣлуевъ,
Безъ звоновъ колокольныхъ, безъ цвѣтовъ.
Ты все-жъ прекрасна и свята — зачѣмъ
Сюда прокралась ты? Иль безъ тебя
Нѣтъ жизни? Посмотри, какъ эти люди
Блѣдны и некрасивы, ихъ глаза
Въ трудѣ потускли, но сіяешь въ нихъ
Ты, какъ въ глазахъ у Айседоры...

Пасхальная, весенняя, святая,
Ты радости пылинки золотыя
На насъ свѣваешь — пыль цвѣтовъ не-
здѣшнихъ.
Тебѣ земныхъ цвѣтовъ послали люди,
Двѣ розовыя яблони, — вокругъ нихъ,
Едва зацвѣтшихъ, предвесенне-нѣжныхъ,
Кружилась ты, какъ мотылекъ, кружилась
И славила зацвѣтшую любовь...

Къ нему пришла любовь подъ гулъ колесъ,
Подъ стукъ машинъ на дьявольской работѣ.
Мелькнуло нѣжное лицо въ веснушкахъ,
Зазолотились кудерьки волосъ.
Какъ колокольчикъ прозвенѣло имя,
Какъ колокольчикъ — Дина — колокольчикъ
Лиловый, средь полей, звенящій солнцу.
Подъ краномъ въ ротъ воды набравъ, плеснувши
На руки, смывши грязь и копоть дня,
Они спѣшили — птицы вонъ изъ клѣтки —
Къ рѣкѣ, катящей медленныя воды,
Съ холма смотрѣли на рѣчную гладь
Въ прощальномъ свѣтѣ солнца, а потомъ
Гуляли подъ руку въ пыли бульвара,
Подъ музыку военнаго оркестра,
Среди толпы гудящей — такъ тянулся
Романъ ихъ, словно кто то уронилъ
На фабрику цвѣтокъ, не полевой,
А городской, пробившійся на свѣтъ
Въ газонахъ жалкихъ сквера.

Скоро
Одна любовь другую замѣнила:
Неясная, какъ солнце сквозь туманъ,
Мечта проникла въ бѣдные кварталы,
Въ подвалы и лачуги городка,
Зажгла повсюду страсть и бредъ надежды.

Въ углахъ старинныхъ синагогъ шептались
О чемъ-то возбужденно. Съ вѣрой древней
Въ Мессію, въ чудо, — новыя слова
Смѣшались, и зазвучали странно дико
Тѣ чужеземныя слова межъ ветхихъ стѣнъ.

И для него настало время страсти,
И страсть преобразила все, и яркой
Казалась бѣдность жизни и борьбы.
Надъ книгами склонялся онъ всю ночь,
Пока гудокъ не звалъ опять работать,
А сердце билось въ буйномъ дикомъ ритмѣ
Ликующаго танца Айседоры.

Въ твоихъ побѣдныхъ танцахъ, Айседора,
Звенящая, сіяющая мѣдь!
Въ твоихъ побѣдныхъ танцахъ, Айседора,
Я слышу шагъ грядущихъ легіоновъ,
Ихъ полубогъ ведетъ, надъ нимъ орелъ,
Надъ нимъ орелъ и гордыя знамена!

И знамя рѣяло — звучите трубы,
Звучите трубы, пойте гимнъ побѣды,
Герольды, славьте сей турниръ прекрасный:
Не рыцари, одѣтые въ доспѣхи,
Но горсточка подростковъ безоружныхъ
Врагамъ бросаетъ вызовъ. Впереди,

Въ манишкѣ чистой, въ галстукѣ цвѣтномъ
Идетъ онъ, какъ на праздникъ. Честь ему
На долю выпала — онъ держитъ знамя,
И знамя въ слабой худенькой рукѣ
Дрожитъ и бьется, бьется въ гнѣвной дрожи.
. . . . . .
. . . . . .
Твой трупъ не выдали роднымъ, въ ночи,
Кто знаетъ, гдѣ тебя похоронили.
Но если бъ можно честь тебѣ воздать,
Но если бы нашлась твоя могила, —
И знаю, что безумная мечта
Мое желанье, — но хотѣлъ бы я,
Чтобы на ней, погибшій, бѣдный мальчикъ,
Чтобъ на твоей могилѣ Айседора,
Безумная, плясала бъ пляску битвы
И смерти, чтобы волосы ея,
Отъ пляски растрепавшись, пѣли, пѣли
Тебѣ прощальный гимнъ и чтобъ она,
Сорвавъ цвѣты съ твоей могилы, плавно
И радостно, и радостно, и быстро,
Кружилась, опьяненная цвѣтами,
Весной и солнцемъ...
Знаю я, что есть
Святая въ смерти радость, въ жизни радость!

Рисунки внѣ текста къ „Айседорѣ“
скульптора Э. А. Бурделя (Emile
Antoine Bourdelle), Парижъ.

Фронтисписы и концовки художника
А. Лота (André Lhote), Парижъ.

Заголовки и обложка художника
И. С. Ефимова, Москва.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВСТУПЛЕНІЕ

Снова, какъ складки покрова, свивается 5
У деревьевъ весною кору надрѣжь 6
Звенитъ, звенитъ моя душа 7
У Венеры Милосской 8
О, желтенькая птичка, канарейка 10
Вдохновенье 12
Золотую кудель еще ткутъ веретенца 13
О, дай мнѣ, Боже, силъ и времени 14

БЛАЖЕННЫХЪ СНОВЪ ИСПУГЪ

I. БЛАЖЕННЫХЪ СНОВЪ ИСПУГЪ

Пришла ко мнѣ, мой свѣтлый другъ 17
Въ моей душѣ живетъ великое 18
Тебѣ, душа со мной сплетенная 19
О, это гордое одушевленіе! 20
О счастьѣ 21
Сонъ 23
Мартъ 25
Въ дорогѣ 27
...Я чувствую утромъ еще полусонный. 28
Знойный день догоралъ, догоралъ. 29
Другъ мой. 31

II. РАДОСТЬ

Въ первый разъ я взглянулъ на тебя 33
Скудно свѣтитъ мнѣ солнце 34
Я хочу любоваться тобою безъ словъ 35
Я возьму твои руки 37

Я люблю тебя, слышишь 38
Ночь. 39
„Радость моя“ 40
Мы сидимъ вдвоемъ 41
„Я твоя“ — ты сказала мнѣ 43
Когда ты уходишь 44
Когда ты уходишь 45
Отдохни, моя милая 46
Дождь, дождь 47
Я ѣхалъ къ тебѣ на пароходѣ 48

III. БОЛЬ

Разставанье 50
Безнадежность глядѣла мнѣ въ очи 52
I. Особымъ знакомъ отмѣчаетъ кровь. 53
II. Такъ легко, легко и просто 54
Въ мірѣ прочнаго нѣтъ ничего 55
Тяжело идти, тяжело идти 56
Испилъ ты эту чашу до конца 57
Съ средней долей не могу я примириться 58
Скоро, скоро, скоро 59
Ты сегодня сладостно прекрасна 60
Я покоряюсь: горькій случай правъ 61
О, бѣдный другъ мой милый 62
Всѣмъ уставшимъ легче было прежде 63
Вечеръ 65

РАЗНЫЯ

I. МОРЕ

Холодный вѣтеръ въ лицо намъ вѣетъ 69
Кубокъ водъ. 70
Утро 71
Волны 72
Море ночное бьется волною 74
Даль моря синѣетъ безгранная 75
Эллада 76

II. РАЗНЫЯ

Благословлялъ я желчь, полынь и о̀мегъ 79
Тебѣ 80
Ты свѣтлый духъ, чьи крылья бѣлыя 81
Вечерами осенними долго она 82
Старая дѣва 83
Роденбахъ. 84
„Огненный Ангелъ“ 85
Вдали закатъ мерцаетъ. 86
Въ безвременье 87
Онъ ушелъ на утренней зарѣ. 88
Вѣрю въ свѣтлаго ангела. 89
Меня ты спрашиваешь, отчего 90
Танцы: 1. Венгерка 92
2. Вальсъ 93
3. Полька 94
4. Па д'эспань. 95
Вечернія улицы жутки 98
Въ Швейцаріи. 99
Флоренція. 100

III. ПЕРЕВОДЫ

Музыка. Шелли 101
Гребецъ (Le passeur d'eau). Верхарнъ. 103
Чайльдъ-Гарольдъ (На смерть Байрона). Гейне 106

IV. PICCICATO

Анемоны 107
Твои глаза такъ пепельно сѣры. 108
Милый ангелъ, ты слишкомъ добра 109
Piccicato при лунѣ 110
„Я люблю васъ, люблю васъ на вѣки 111
Première communion 112
Жжетъ ножки раскаленный камень 113

АЙСЕДОРА. 115

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Книжный складъ „НАУКА“

Москва, Б.-Никитская, № 10.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Книжный складъ „НАУКА“

Москва, Б.-Никитская, № 10.

Цѣна 1 рубль.